

Национальная и конфессиональная политика режима П. Н. Врангеля*

Владимир Калиновский

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Екатерина Самыловская

¹Санкт-Петербургский горный университет,
²Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

The National and Confessional Policy of P. N. Wrangel's Regime**

Vladimir Kalinovsky

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

Ekaterina Samylovskaya

¹St Petersburg Mining University,
²St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This paper examines the main directions of P. N. Wrangel's national and confessional policy in Crimea in 1920. The study aims to determine the specifics of national and confessional policy implementation during P. N. Wrangel's political regime regarding various population groups. The research methodology relies on the principles of critical analysis of periodicals and private sources, many of which have never been studied previously. More particularly, the authors talk about data from Crimean newspapers published in 1920 (such as *Yuzhnye Vedomosti*, *Tavricheskiy Golos*, *Krymskiy Vestnik*, etc.), which are practically

* Исследование выполнено в рамках гранта № 20–78–10044 «Крым в поисках национального и конфессионального согласия (1783–1920 гг.)» Российского научного фонда.

** Citation: Kalinovsky, V., Samylovskaya, E. (2022). The National and Confessional Policy of P. N. Wrangel's Regime // *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 1121–1137. DOI 10.15826/qr.2022.3.719.

Цитирование: Kalinovsky V., Samylovskaya E. The National and Confessional Policy of P. N. Wrangel's Regime // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 1121–1137. DOI 10.15826/qr.2022.3.719 / Калиновский В., Самыловская Е. Национальная и конфессиональная политика режима П. Н. Врангеля // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 1121–1137. DOI 10.15826/qr.2022.3.719.

unknown to researchers, as well as the memoirs of the participants of the events, i. e. officers and residents. Due to the peculiarities of the era, these materials are the foundation for the qualitative development and understanding of the state policy implementation in the ethno-confessional sphere. The fundamental innovation of this work is a comprehensive approach to the issue. The authors try to analyse the actions of the national and ethnic communities of Crimea at the final stage of the Civil War. They emphasise the importance of the national question in the activities of the government in the South of Russia, as well as identify the historical features of the region, which traditionally influenced the ethnic and religious lifestyle, which the new administration could not disregard. The main results of the study are related to the demonstration of the following provisions: in contrast to A. I. Denikin's regime, P. N. Wrangel's regime made fundamental concessions regarding national and confessional groups, paying attention to the Crimean Tatars. At the same time, at the official level, the regime positioned itself primarily as Orthodox, which was emphasised in its leaders' rhetoric and propaganda. Attention is paid to such a little-known story as the emigration of certain ethnic groups from Crimea during P. N. Wrangel's regime.

Keywords: Russian in the 1920s, Crimea, P. N. Wrangel, national policy, confessional policy, Crimean Tatars, Orthodoxy, Islam

Рассмотрены основные направления национальной и конфессиональной политики П. Н. Врангеля в Крыму в 1920 г. Цель исследования – определение специфики реализации национальной и конфессиональной политики в период существования политического режима П. Н. Врангеля по отношению к различным группам населения. Методология исследования базируется на принципах критического анализа публикаций периодической печати и источников личного происхождения, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. В частности, речь идет о практически не известных исследователям материалах крымских газет, выходивших в 1920 г. (таких как «Южные ведомости», «Таврический голос», «Крымский вестник» и др.) и мемуарах непосредственных участников событий из числа офицеров и местных обывателей. Названные материалы в силу специфики эпохи являются фундаментом для качественного изучения и понимания реализации государственной политики в этноконфессиональной сфере. Принципиальным новаторством представленной работы является комплексный подход к проблеме. Данная работа представляет попытку анализа действий национальных и этнических общин Крыма на завершающем этапе Гражданской войны. Авторами отмечено значение национального вопроса в деятельности правительства Юга России, а также определены исторически сложившиеся особенности региона, которые традиционно влияли на уклад жизни этнических и религиозных общин и с которыми приходилось считаться новой администрации. Основные результаты исследования связаны с демонстрацией следующих положений: режим П. Н. Врангеля, в отличие от режима А. И. Деникина, шел на принципиальные уступки в отношении к национальным и конфессиональным группам,

уделяя особое внимание крымским татарам. В то же время на официальном уровне режим позиционировал себя в первую очередь как православный, что подчеркивалось в риторике его лидеров и пропаганде. Уделено внимание такому малоизвестному сюжету, как эмиграция отдельных этнических групп из Крыма в период существования режима П. Н. Врангеля.

Ключевые слова: Россия в 1920-е гг., Крым, П. Н. Врангель, национальная политика, конфессиональная политика, крымские татары, православие, ислам

Изучение вопросов межнациональных и межконфессиональных отношений в России является одним из ведущих направлений в современных отечественных гуманитарных исследованиях. Особое внимание ученых, занимающихся данной проблематикой, обращено на переломные моменты российской истории, когда все противоречия общественной жизни становятся гораздо более выразительными. Именно по этой причине большое количество исследований посвящено межнациональным и межконфессиональным отношениям в период Гражданской войны. Среди них стоит выделить работы, анализирующие события «Русской смуты» на территории Крымского полуострова. Именно этому региону с его богатой этнической и религиозной палитрой было суждено сыграть особую роль в годы братоубийственного противостояния [Калиновский, Пученков; Пученков]. Однако даже на этом насыщенном фоне выделяется деятельность П. Н. Врангеля. Несмотря на кажущуюся изученность темы, за столетие, минувшее после окончания врангелевской эпопеи, так и не появилось комплексного исследования, в котором были бы проанализированы основные направления политики барона в национальной сфере. Существующие работы преимущественно посвящены отношению режима П. Н. Врангеля к крымским татарам [Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.; Исхаков, с. 185–214], а отдельные из них отличаются идеологической ангажированностью [Бунегин] и этнической предвзятостью [Возгрин]. Предлагаемое исследование – это попытка очертить круг проблем и вопросов межнациональных и межконфессиональных отношений, которые возникали и решались в Крыму в период господства режима П. Н. Врангеля. Важно отметить, что взаимодействие барона с православным духовенством подробно освещено в соответствующей главе первого комплексного научного издания, посвященного региональной конфессиональной истории в «эпоху великих потрясений» [Пученков, Калиновский]. По этой причине в настоящем исследовании деятельность православных священнослужителей и иерархов анализируется исключительно в контексте ее влияния на межнациональную обстановку в регионе.

Значение национального вопроса, безусловно, осознавалось лидером белого движения. В беседе с корреспондентом газеты «Вечернее время», которая тиражировалась в крымских изданиях в качестве по-

литической программы барона, декларировалось: «Местные и национальные нужды населения, в частности – татарского, принимаются во внимание самым тщательным образом». В том же материале в качестве причин неудач антибольшевистских сил называлось следующее обстоятельство:

Вместо того чтобы объединить все силы, поставившие себе целью борьбу с большевизмом и коммунизмом и проводить одну политику «русскую» – вне всяких партий, проводилась политика «добровольческая» – какая-то странная политика, руководители которой видели во всем том, что не носило на себе печати «добровольцев», врагов России [Программа ген. Врангеля].

Однако на деле П. Н. Врангель, решая накопившиеся вопросы в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, не мог полностью отказаться от «добровольческой» политики. В частности, продолжило действовать организованное при А. И. Деникине «Магометанское духовное управление», которое наследовало существовавшей в имперский период структуре. В тяжелейших военно-политических и экономических условиях П. Н. Врангель не мог пойти на радикальные реформы в решении национальных вопросов, а идти на поводу у отдельных групп было не в характере правителя Юга России. Вместе с тем он прекрасно понимал, что грамотная реализация национальной и конфессиональной политики позволит обеспечить лояльность местного населения и укрепить положение режима. При этом стоит отметить, что первые действия ближайшего окружения барона вовсе не способствовали этому.

Приход к власти П. Н. Врангеля для Симферополя ознаменовался рядом громких арестов и политических процессов, которые имели явный национальный оттенок. Уже в начале апреля 1920 г. в Симферополе прошла волна арестов среди крымскотатарского населения города. Поскольку было очевидно, что эти события могут бросить тень на весь крымскотатарский народ и привести к репрессиям против него, к курировавшему процесс генерал-лейтенанту А. П. Кутепову отправилась делегация во главе с председателем уездной земской управы М. Кипчакским и одним из лидеров Курултая и ликвидированной к тому моменту национальной директории С.-Д. Хаттатовым. Люди разных политических взглядов, но одного этнического происхождения попытались довести до представителя нового режима мысль, что крымскотатарское общество настроено против большевиков и не может быть ответственным за действия нескольких представителей молодежи. В ответ на это А. П. Кутепов заверил делегатов, что власть «будет карать лишь преступников, не перенося вины на целую национальность» [Аресты среди татар].

В конце апреля 1920 г. начались процессы над двумя большевистскими организациями – «Союзом коммунистической молодежи»

и «Мусульманским бюро при Крымском областном комитете Российской коммунистической партии (большевиков)» (фигурировало также под названием «Мусульманское коммунистическое бюро»). Крымские газеты того времени публиковали списки обвиняемых, что неизбежно провоцировало среди читателей как антитарские, так и антисемитские настроения.

Для решения крымскотатарских национальных проблем на май 1920 г. было запланировано проведение в Симферополе Всекрымского мусульманского съезда (также фигурировал в источниках как «Всекрымский съезд крымских татар», «съезд представителей татарского населения Крыма» и «татарский съезд»). Уже в анонсировавших съезд публикациях указывалось, что на нем будут обсуждаться вопросы хозяйственных, культурно-просветительских и духовных нужд крымскотатарского народа. Обсуждение политических вопросов не предусматривалось, что шло вразрез с интересами многих представителей общины [Татарский съезд, 29 апр.; Мусульманский съезд]. Это подтверждает выявленное нами интервью одного из наиболее влиятельных и авторитетных деятелей крымскотатарского национального движения, участника Курултая С.-Д. Хаттатова (в тексте публикации назван Хасатовым). Национальный лидер отмечал, что о созыве мусульманского съезда общественные круги крымских татар узнали из газет, а официальных сообщений по этому поводу они не получали. Признавая, что съезд станет «крупным шагом вперед в деле сближения власти с татарской общественностью» и «поворотом в татарской национальной жизни», С.-Д. Хаттатов подчеркивал, что проведение мероприятия запоздало. Недостатками съезда он считал то, что его председателем будет начальник Гражданского управления, а не избранное лицо, а также ограниченность программы съезда и невозможность ее расширения [К татарскому съезду].

Съезд начал свою работу 16 мая 1920 г. в Симферополе в губернаторском доме в закрытом режиме. Из 44 избранных делегатов на съезд приехали всего 20. Многие из них не явились по уважительным причинам. Так, феодосийская делегация не приехала из-за банды грабителей, действовавшей на дороге из Феодосии в Симферополь. В качестве гостей съезда присутствовали крымский муфтий С. Кипчакский и председатель Вакуфной комиссии М. Таганайский. Понимая значение мероприятия для проведения внутренней политики, съезд открыл лично П. Н. Врангель. В приветственном слове он отметил, что крымскотатарское население «неизменно и в настоящую тяжелую годину боролось за честь и славу матери-России». Барон не сомневался, что в борьбе «за освобождение России от ига красной нечисти» крымские татары «окажутся на высоте положения». Было решено посвятить 17 мая частным совещаниям делегатов, а 18 мая вернуться к программе съезда [Ген. Врангель на татарском съезде; Татарский съезд, 17 (30) мая].

Во время проведения частных совещаний часть делегатов начала выдвигать резкие радикальные требования, но они не нашли поддержки у большинства. Поскольку к заседанию 18 мая не было подготовлено докладов по повестке дня, вместо этого были организованы три комиссии в составе пяти человек: духовно-религиозная комиссия под председательством мударриса (мусульманского учителя) С. М. Веджи Эфенди, культурно-просветительная комиссия под председательством М. Кипчакского, комиссия по самообложению и управлению вакуфными капиталами под председательством С. Карашайского [Татарский съезд, 20 мая (2 июня)].

22 мая 1920 г. состоялось заключительное заседание съезда, которое провел начальник Гражданского управления Д. П. Перлик. Он сразу же заявил делегатам:

Тех указаний, которые желало и надеялось получить от вас правительство, вами не было дано. Вы представили записку, которая была составлена мусульманскими юристами в 1917 году и по своему содержанию выходит за пределы компетенции съезда [К.].

Видимо, имела место попытка сторонников Курултая провести решения, принятые на пике борьбы за самоопределение крымских татар (то есть, как минимум, возобновить деятельность национальных органов власти в Крыму), но в изменившихся условиях 1920 г. Д. П. Перлик отметил, что П. Н. Врангель «ничего не имеет против того, чтобы национальные чаяния татар были проведены в жизнь» [Там же]. В связи с этим главнокомандующий предложил делегатам избрать 5–6 человек, «хотя бы не из состава нынешнего съезда», которые совместно с представителями администрации барона решили бы насущные вопросы жизни крымских татар. По мнению Д. П. Перлика, «таким образом будет соблюдена та искренность между правительством и мусульманским населением, которая послужит залогом прочности их взаимных отношений» [Там же]. После этого чиновник покинул съезд, передав управление К. И. Карпову.

После возобновления заседания председателю был представлен список лиц, избранных в состав комиссии при начальнике Гражданского управления. В ее состав вошли М. Кипчакский, А. С. Айвазов, О. Акчокраклы, С.-Д. Хаттатов и имам севастопольской мечети Ю. Рахимов (уроженец Симбирской губернии). В качестве кандидатов в члены комиссии предлагались И. Леманов, М. Полторжичский (литовский татарин) и С. М. Веджи Эфенди. Такое голосование можно назвать триумфом сторонников Курултая – минимум четверо из названных лиц принимали участие в его работе. Очевидно, что такой исход съезда оказался неприятной неожиданностью для администрации П. Н. Врангеля, поскольку делал неизбежными появление политической повестки в решении крымскотатарского вопроса [К.; Татарский съезд, 24 мая].

Очевидно, что итогами съезда не были довольны ни крымские татары, ни администрация П. Н. Врангеля. Врангелевская контрразведка начала преследования ряда делегатов, на некоторое время задерживала вошедшего в состав комиссии при начальнике Гражданского управления С.-Д. Хаттатова [Последняя рукопись Сабри Айвазова, с. 184]. Вскоре после съезда по распоряжению правительства была создана специальная комиссия для ревизии дел Мусульманского исполнительного комитета и крымскотатарской национальной директории. Как сообщали крымские газеты, в ходе проверок были обнаружены факты отношений директории с Турцией и отсутствие документов по некоторым расходам [Ревизия татарской директории, 5 (18) июля; Ревизия татарской директории, 5 июля].

Серьезных изменений удалось добиться в сфере национального образования крымских татар. В конце июня 1920 г. по инициативе земства открылись курсы для учителей татарских школ Симферопольского уезда, которые проводились на крымскотатарском языке [Татарские учительские курсы]. Отдел народного просвещения выработал ряд законопроектов, направленных на развитие сети обучения на национальном языке. Было предложено в местностях, где преобладало крымскотатарское население, вести обучение на родном для детей языке. При этом делался ряд оговорок: обучение русскому языку начиналось со второго года, а для лучшего его усвоения четырехлетний курс начальной школы увеличивался на год [Татарский язык в начальных школах; Преподавание на татарском языке]. В сравнении с предшествующей эпохой такое решение было огромным шагом вперед.

Другим важным проектом стало решение о легализации ряда крымскотатарских учебных заведений, которые возникли явочным порядком в 1917 г. В эти учебные заведения, где преподавание велось на крымскотатарском языке, было разрешено допустить лиц, не имевших установленного образовательного ценза, при условии наличия у них российского подданства и знания русского языка. При этом преподавание русского языка, истории и географии в этих образовательных центрах должно было вестись на русском языке и только лицами, имевшими соответствующий образовательный ценз [Реформа татарской школы].

Вновь к обсуждению вопросов о возможной автономии крымских татар вернулись только в конце августа 1920 г. По распоряжению начальника Гражданского управления для разработки законопроекта была создана специальная комиссия под председательством чиновника для особых поручений Палладина. В состав комиссии вошли пять участников майского Всекрымского мусульманского съезда, представители ведомств юстиции и народного образования и некоторые другие лица. По итогам обсуждения был подготовлен документ, который предоставлял крымским татарам права самоуправления в отдельных сферах деятельности. Группа участников работы комиссии (по всей

видимости, близкие к Курултаю лица) выступила с заявлением, что «законопроект не удовлетворяет всех стремлений татарского народа, но все же они принимают его, ибо он все-таки дает некоторые права татарскому народу» [Татарская автономия, 1 (14) сент.]. Они протестовали против системы выборов в распорядительные органы, требуя их всеобщего и равного для всех характера. По настоянию инициативной группы в законопроект был внесен пункт, ограничивающий действие избирательного закона сроком в один год, после чего распорядительный крымскотатарский орган сам бы разработал новый избирательный закон [Там же; Татарская автономия, 3 (16) сент.]. По всей видимости, со стороны бывшего муфтия С. Кипчакского и группы представителей старой элиты была осуществлена попытка внести в законопроект пункт о том, что муфтий должен быть главой национального самоуправления *ex officio*, то есть в силу занимаемой должности, что вызвало протесты со стороны участников майского съезда [О татарской автономии]. В итоге в известной нам версии законопроекта именно высшему духовному лицу передавалось руководство национальными органами власти (при этом должность муфтия становилась выборной).

Ставший результатом названных дискуссий проект временного положения о самоуправлении крымских татар в области духовно-религиозной, культурно-просветительной и по заведыванию вакуфами датирован 8 октября 1920 г. В нем формулировались основные принципы существования крымскотатарской автономии. В этом документе, в частности, отмечалось, что для осуществления права национального самоуправления в Симферополе учреждался Совет по делам крымских татар, при котором в качестве исполнительного органа основывалось Управление делами крымских татар. Среди основных задач, стоящих перед советом, было избрание таврического муфтия, членов Управления делами крымских татар и ревизионной комиссии, уездных кадиев и членов попечительского совета при медресе. Таврический муфтий одновременно провозглашался и духовным главой мусульман, проживавших в Таврической губернии, и председателем Управления делами крымских татар.

Во временном положении отдельно прописывались полномочия таврического губернатора по отношению к органам национального самоуправления [Исхаков, с. 203–213]. Таким образом, предложенный проект во многом воспроизводил модель деятельности Курултая и директории (только с изъятием важнейшей политической составляющей и не как полностью автономных и главенствующих структур, а как части другой политической системы). Но введение в действие даже такого во многом половинчатого временного положения постоянно переносилось, и виной тому стала не столько бюрократическая волокита, сколько резкое ухудшение ситуации на фронтах, которое в конечном итоге и привело к краху правительства Юга России. Некоторая двойственность политики П. Н. Врангеля приводила

к тому, что отдельные представители крымских татар начинали симпатизировать большевикам.

Еще одним важным национальным вопросом, который в военнополитических условиях того времени имел для Крыма и внешнее, и внутреннее значение, был украинский. Безусловно, во взглядах на него П. Н. Врангель был гораздо менее радикален, нежели А. И. Деникин, что объяснялось тем, что барон не считал догмой лозунг о «единой и неделимой», а шел на компромиссы, считая их необходимым инструментом политической борьбы с большевизмом. В его понимании готовность идти на определенные послабления подразумевала появление новых сторонников и союзников из числа национальных групп (такая стратегия в конечном итоге не вполне оправдала себя). Поэтому во время его пребывания у власти на полуострове функционировали различные национальные организации, включая так называемые «рады» (то есть украинские советы) и кооперативы, а в Севастополе на средства общины содержалась украинская гимназия имени Т. Г. Шевченко [Украинский кооператив; Среди украинцев]. Однако очевидная активизация украинского вопроса в политической повестке Крыма приходится на осень 1920 г., что, по всей вероятности, следует связывать с положением на фронтах и готовностью идти на компромиссы с антибольшевистскими национальными силами.

При этом для П. Н. Врангеля была неприемлемой идея украинской «самостийности», полной государственной независимости. Правитель Юга России был готов видеть Украину частью будущего федеративного российского государства. Поэтому в сентябре 1920 г. в Севастополе барон и его окружение провели переговоры с так называемыми «федералистами» – членами существовавшего в Париже Украинского национального комитета во главе с С. К. Моркотуном, которые так и не имели практических последствий [Делегация украинцев-федералистов; Генерал Врангель и украинская делегация].

Особое место в национальной политике П. Н. Врангеля занимал еврейский вопрос. В одном из программных интервью, которое было растиражировано рядом крымских газет, П. Н. Врангель так высказался по этому поводу:

В народных массах замечается обострение ненависти к евреям. Противоеврейские настроения буйно разрастаются на гнойнике большевизма. Народ не разбирается, кто виноват. Он видит евреев-комиссаров, евреев-коммунистов и не останавливается на том, что это только часть еврейского населения. Всякое погромное движение, всякую агитацию в этом направлении я считаю государственным бедствием и буду с ним бороться. Еврейский вопрос – вопрос тысячелетний, больной, трудный, он может быть разрешен временем и мерами общественного оздоровления [Беседа с главнокомандующим].

Слова П. Н. Врангеля в данном случае не расходились с делом. Показательно, что, по мнению авторитетного исследователя Гражданской войны в Крыму В. Г. Зарубина, за время функционирования на полуострове антибольшевистского режима во главе с бароном здесь не было зарегистрировано ни одного еврейского погрома [Зарубин, с. 77]. За статьи погромного характера была закрыта газета «Русская правда» [[О закрытии газеты «Русская правда»]; Приказ Главнокомандующего В. С. Ю. Р.].

С момента зарождения сионистского движения в России Крым был одним из главных центров борьбы за переселение евреев в Палестину и создание там национального государства. В период нестабильности и лишений Гражданской войны это движение получило на полуострове дополнительный импульс к развитию. При этом режим П. Н. Врангеля не препятствовал деятельности сионистских организаций. При местном палестинском бюро издавалась газета «Вестник еврейской жизни» [«Вестник еврейской жизни»]. В апреле 1920 г. при Таврической сионистской организации был создан переселенческий фонд имени И. В. Трумпельдора. Название этого фонда было избрано не случайно – погибший незадолго до этого в Палестине лидер и идеолог сионистского движения в 1919 г. проживал в Симферополе. Фонд планировал готовить еврейскую молодежь к эмиграции и создать материальные возможности для обеспечения 100–150 «молодых, идейных и трудоспособных пионеров». Летом 1920 г. несколько групп евреев из Севастополя через Константинополь отправились в Палестину [Отъезд в Палестину].

Вне сферы интересов исследователей остается вопрос об отношении режима П. Н. Врангеля к представителям тех национальных общин Крыма, чьим народам удалось на руинах Российской империи создать свои независимые государства. Очевидно, что политика барона в этой сфере напрямую зависела от целого ряда факторов, среди которых в первую очередь стоит назвать дипломатические и военные реалии 1920 г., антибольшевистскую направленность молодых государственных образований и отношение к ним со стороны Антанты. Значительная часть представителей указанных национальных общин не связывали свою будущую жизнь с Крымом, а стремились покинуть полуостров и добраться до исторической родины. Правительство Юга России не препятствовало им в этом намерении. Более того, согласно распоряжению главнокомандующего, именно немедленный выезд на родину становился условием освобождения от мобилизации для военнообязанных и увольнения из армии для военнослужащих [К сведению литовцев].

В период существования в Крыму политического режима П. Н. Врангеля на полуострове действовала польская военная миссия, было открыто консульство в Севастополе, в Симферополе для общины были созданы Польский дом и римско-католическое благотворительное общество [Польское благотв. о-во]. Основными за-

дачами, которые стояли перед польскими организациями, были регистрация поляков (что освобождало их от мобилизационных мероприятий) и организация их выезда на историческую родину [Регистрация поляков]. Так, летом 1920 г. из Севастополя в румынский порт Галац было эвакуировано около 600 поляков, которые, как планировалось, из порта прибытия на специально присланном польском поезде должны были проследовать в Варшаву [Эвакуация поляков]. Регистрация польских граждан велась в нескольких городах Крыма (Симферополе, Севастополе, Ялте, Феодосии и Керчи), а также в материковых уездах Таврической губернии (в Мелитополе) [Регистрация польских граждан].

Делегация Симферопольского литовского комитета в конце мая 1920 г. в Севастополе проводила встречи с помощником П. Н. Врангеля генералом П. Н. Шатиловым и представителями британской военной миссии. Тематами обсуждения были вопросы возвращения литовцев из Крыма на родину и организации на полуострове официального представительства Литвы. Оба вопроса нашли поддержку у власти. Для отъезда в Литву было обещано предоставить транспорт, а создание дипломатической миссии откладывалось до проведения общекрымского съезда литовских граждан [Делегация литовцев]. Последний был запланирован на 31 мая 1920 г. [О съезде литовских граждан]. Уже через месяц, 2 июля 1920 г., группа литовцев примерно в 200 чел. на пароходе отправилась в Варну, откуда должна была добраться до родины [Отъезд литовцев на родину]. Однако к сентябрю 1920 г. военное командование перестало признавать за литовскими гражданами право на освобождение от мобилизации, в связи с чем представителю Крымского литовского комитета пришлось покинуть полуостров для представления доклада на эту тему правительству Литвы [К положению литовских граждан].

В схожем ключе развивалась ситуация с выездом из Крыма граждан Латвии. Основным его организатором был уполномоченный военной миссии Латвии М. А. Стенгревиц, который также занимался выдачей национальных паспортов [К отъезду граждан Латвии]. Прием желающих уехать на родину был организован в Симферополе, Севастополе и Ялте. Латвийской миссии удалось добиться от П. Н. Врангеля продления сроков выезда из Крыма для своих соплеменников, а также ходатайствовать перед бароном об увольнении из рядов Русской армии тех латышей, которые желали вернуться на родину [К сведению латышей]. Темой отдельного обсуждения стала судьба перешедшего на сторону П. Н. Врангеля латышского полка, до этого сражавшегося в рядах Красной армии. Вопрос о выезде из Крыма бывших красноармейцев согласовывался и на уровне главнокомандующего Русской армией, и на уровне правительства Латвии [Латыши-красноармейцы].

В целом стоит отметить, что возвращение граждан Латвии из Крыма на родину стало результатом активной дипломатической работы. В частности, английский и французский консулы обещали хода-

тайствовать перед правительством Болгарии о беспрепятственном транзитном проезде возвращавшихся граждан Латвии через территорию этой страны. С аналогичными просьбами представительство Латвии в Крыму обращалось к правительствам Румынии, Болгарии, Германии, Польши, Югославии, Чехословакии и Турции [Вниманию граждан Латвии]. Видимо, имели место и обращения к властям других государств, которые поддерживали подобные ходатайства. Так, известно, что в июне 1920 г. эшелон беженцев (латышей, литовцев, эстонцев и поляков) морем был отправлен из Крыма, а после проследовал через несколько европейских стран, включая Австрию и Германию, где из Штеттина пароходом добрался до Латвии [Отправка в Латвию].

О том, насколько важной была поддержка белого движения для Республики Армения, свидетельствует пребывание в Крыму одного из самых известных армянских политиков начала XX в., депутата первой, второй и третьей Государственной думы Ованеса Акоповича (Ивана Яковлевича) Сагателяна [[Объявление], 4 (17) апр.]. Он еще с января 1919 г. выполнял дипломатические функции при главном командовании Добровольческой армии, защищая интересы своих соплеменников, в том числе беженцев и военнопленных [Петросян, с. 413]. В Крыму О. А. Сагателяну пришлось решать и другие проблемы, в частности гасить противоречия внутри местной армянской диаспоры. Так, в апреле 1920 г. на страницы прессы выплеснулся конфликт между Симферопольской армянской общинной управой и Симферопольским армянским обществом. Организации обвинялись в интригах, доносах, спекуляциях и оскорблении достоинства Армянской Республики [Открытое письмо Симферопольскому Армянскому Обществу; Письма в редакцию].

Критика со стороны соплеменников не останавливала деятельности общинной управы: как и прежде, она занималась вопросами национального образования, в частности, ею были организованы два класса крымской армянской гимназии [[Объявление], 6 (19) авг.]. Однако тяготы жизни вносили свои неизбежные коррективы: собираемые управой общинные налоги пришлось заменить добровольными ежемесячными взносами на общинно-национальные нужды [Армянская жизнь]. Среди других заметных событий в жизни армянской общины в Крыму в этот период стоит отметить создание Крымского армянского общества физического развития, организаторы которого планировали не только пропагандировать занятия спортом и устраивать соответствующие мероприятия, но и предполагали открытие вечерних курсов грамотности. Общество получило название «Гайл Ваан» в честь средневекового армянского князя, который был известен своей физической силой и ловкостью [Общество физического развития].

* * *

Как и другие антибольшевистские режимы периода Гражданской войны, режим П. Н. Врангеля методом проб и ошибок попытался сформировать основы собственной национальной и конфессиональной политики, которые в силу ряда причин не успели оформиться в некую целостную концепцию. Эти направления внутренней политики скорее стоит расценивать как совокупность ситуативных мер адаптации к объективным обстоятельствам, связанным с общими процессами в регионах России. Этим можно объяснить ряд послаблений в политике барона – в частности, в украинском вопросе и в отношениях с гражданами стран, возникших на руинах Российской империи. С другой стороны, правительство Юга России не могло не учитывать непосредственно крымской специфики и не выстраивать отношения с крымскотатарской общиной полуострова.

Таким образом, национальная и конфессиональная политика П. Н. Врангеля имела свою специфику, отличавшую ее и от имперского периода, и от всех действовавших в Крыму в годы Гражданской войны политических режимов. С каждой этнической общиной барон пытался выстроить отношения таким путем, который позволил бы обеспечить лояльность, столь необходимую в условиях продолжавшегося конфликта с советской Россией и попыток установить дипломатические отношения с соседними государствами. Наиболее важными в тот момент считались крымскотатарский, украинский и еврейский вопросы, каждый из которых решался по-своему. Однако многие необходимые начинания в сфере национальной и конфессиональной политики так и остались декларациями, другие мероприятия отличались несвоевременным или непоследовательным характером. Зачастую П. Н. Врангелю приходилось решать накопившиеся проблемы раздачей обещаний, которым так и не суждено было стать реальностью. Вместе с тем грамотная национальная и конфессиональная политика барона позволила обеспечить спокойствие в тылу и продлить существование последнего антибольшевистского режима в Европейской части России. Этот феномен требует осмысления и дополнительного изучения, которое возможно только за счет привлечения новых и до настоящего времени не изученных источников – мемуаров участников событий, документации правительства Юга России и газетной периодики 1920 г.

Список литературы

- Аресты среди татар // Крымский вестник. 1920. № 74 (9765). 7 (20) апр.
Армянская жизнь // Южные ведомости. 1920. № 132. 19 июня.
Беседа с главнокомандующим // Южные ведомости. 1920. Экстренный выпуск. 6 июля.
Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). Симферополь : Крымгосиздат, 1927. 336 с.

- «Вестник еврейской жизни» // Южные ведомости. 1920. № 74. 9 апр.
Вниманию граждан Латвии // Крымский вестник. 1920. № 167 (9858). 30 июля (12 авг.).
- Возгрин В. Е.* История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма : в 4 т. 3-е изд., испр. и доп. Симферополь : Къартбаба продакшн, 2014. Т. 3. С. 90–102.
- Ген. Врангель на татарском съезде // Крымский вестник. 1920. № 105 (9796). 17 (30) мая.
- Генерал Врангель и украинская делегация // Южные ведомости. 1920. № 203. 17 (30) сент.
- Делегация литовцев // Южные ведомости. 1920. № 107. 21 мая.
- Делегация украинцев-федералистов // Таврический голос. 1920. № 316 (466). 3 (16) сент.
- Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей : Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь : АнтикВА, 2008. 727 с.
- Зарубин В. Г.* Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. – 1921 г.) // Историческое наследие Крыма. 2003. № 1. С. 53–83.
- Исхаков С. М.* Мусульманская политика П. Н. Врангеля // Крым. Врангель. 1920 год. М. : Соц.-полит. мысль, 2006. С. 185–214.
- К отъезду граждан Латвии // Южные ведомости. 1920. № 125. 11 июня.
- К положению литовских граждан // Таврический голос. 1920. № 319 (469). 6 (19) сент.
- К сведению латышей // Южные ведомости. 1920. № 136. 24 июня.
- К сведению литовцев // Южные ведомости. 1920. № 94. 3 мая.
- К татарскому съезду : (По телефону от нашего симферопольского корреспондента) // Крымский вестник. 1920. № 96 (9787). 6 (19) мая.
- К Татарский съезд // Таврический голос. 1920. № 234 (384). 24 мая (6 июня).
- Калиновский В. В., Пученков А. С.* Этноконфессиональный фактор в деятельности Крымского краевого правительства М. А. Сулькевича (июнь – ноябрь 1918 г.) // Вопросы истории. 2020. № 11–1. С. 18–28. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202011Statyi16.
- Латыши-красноармейцы // Южные ведомости. 1920. № 191. 1 (14) сент.
- Мусульманский съезд // Таврический голос. 1920. № 214 (364). 29 апр. (12 мая).
- [О закрытии газеты «Русская правда»] // Крымский вестник. 1920. № 143 (9834). 2 (15) июля.
- [О съезде литовских граждан] // Южные ведомости. 1920. № 115. 30 мая.
- О татарской автономии // Южные ведомости. 1920. № 192. 2 (15) сент.
- Общество физического развития // Южные ведомости. 1920. № 134. 21 июня.
- [Объявление] // Крымский вестник. 1920. № 72 (9763). 4 (17) апр.
- [Объявление] // Южные ведомости. 1920. № 172. 6 (19) авг.
- Открытое письмо Симферопольскому Армянскому Обществу // Таврический голос. 1920. № 208 (358). 22 апр. (5 мая).
- Отправка в Латвию // Таврический голос. 1920. № 316 (466). 3 (16) сент.
- Отъезд в Палестину // Южные ведомости. 1920. № 132. 19 июня.
- Отъезд литовцев на родину // Крымский вестник. 1920. № 145 (9838). 4 (17) июля.
- Петросян Г. А.* Отношения Республики Армения с Россией (1918–1920 гг.). Ереван : Изд-во ЕГУ, 2012. 424 с.
- Письма в редакцию // Таврический голос. 1920. № 219 (369). 5 (18) мая.
- Польское благотв. о-во // Крымский вестник. 1920. № 145 (9838). 4 (17) июля.
- Последняя рукопись Сабри Айвазова. Дело партии «Милли Фирка» : [Документы свидетельствуют] / под общ. ред. В. В. Пшеничного и др. ; сост. А. В. Валякин, Р. И. Хаяли. Симферополь : Доля, 2009. Т. 1. 350 с.
- Преподвание на татарском языке // Южные ведомости. 1920. № 197. 8 (21) сент.
- Приказ Главнокомандующего В. С. Ю. Р. // Южные ведомости. 1920. № 144. 4 июля.

- Программа ген. Врангеля // Южные ведомости. 1920. № 77. 12 апр.
Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920). 2-е изд., испр. и доп. М. : НПК, 2016. 399 с.
Пученков А. С., Калиновский В. В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах / науч. ред. Н. Н. Смирнов. СПб. : Владимир Даль, 2020. 407 с.
Ревизия татарской директории // Южные ведомости. 1920. № 145. 5 июля.
Ревизия татарской директории // Крымский вестник. 1920. № 146 (9837). 5 (18) июля.
Регистрация польских граждан : (Официальное сообщение польской военной миссии и консульства) // Крымский вестник. 1920. № 204 (9895). 16 (29) сент.
Регистрация поляков // Таврический голос. 1920. № 324 (474). 13 (26) сент.
Реформа татарской школы // Крымский вестник. 1920. № 231 (9922). 18 (31) окт.
Среди украинцев // Крымский вестник. 1920. № 228 (9919). 15 (28) окт.
Татарская автономия // Крымский вестник. 1920. № 194 (9885). 3 (16) сент.
Татарская автономия // Таврический голос. 1920. № 314 (464). 1 (14) сент.
Татарские учительские курсы // Южные ведомости. 1920. № 138. 26 июня.
Татарский съезд // Таврический голос. 1920. № 229 (379). 17 (30) мая.
Татарский съезд // Таврический голос. 1920. № 230 (380). 20 мая (2 июня).
Татарский съезд // Южные ведомости. 1920. № 90. 29 апр.
Татарский съезд // Южные ведомости. 1920. № 110. 24 мая.
Татарский язык в начальн. школах // Таврический голос. 1920. № 320 (470). 8 (21) сент.
Украинский кооператив // Крымский вестник. 1920. № 72 (9763). 4 (17) апр.
Эвакуация поляков // Крымский вестник. 1920. № 88 (9779). 26 апр. (9 мая).

References

- Aresty sredi tatar [Arrests among the Tatars]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 74 (9765). Apr. 7 (20).
Armyanskaya zhizn' [Armenian Life]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 132. June 19.
Beseda s glavnokomanduyushchim [Conversation with the Commander-in-Chief]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. Special Iss. July 6.
Bunegin, M. F. (1927). *Revolutsiya i grazhdanskaya voina v Krymu (1917–1920 gg.)* [Revolution and Civil War in Crimea (1917–1920)]. Simferopol, Krymgosizdat. 336 p.
Delegatsiya litovtsev [Lithuanian Delegation]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 107. May 21.
Delegatsiya ukrainsev-federalistov [Delegation of Ukrainian Federalists]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 316 (466). Sept. 3 (16).
Evakuatsiya polyakov [Evacuation of Poles]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 88 (9779). Apr. 26 (May 9).
Gen. Vrangel' na tatarskom s"ezde [General Wrangel at the Tatar Congress]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 105 (9796). May 17 (30).
General Vrangel' i ukrainskaya delegatsiya [General Wrangel and the Ukrainian Delegation]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 203. Sept. 17 (30).
Iskhakov, S. M. (2006) *Musul'manskaya politika P. N. Vrangelya* [The Muslim Policy of P. N. Wrangel]. In *Krym. Vrangel'. 1920 god*. Moscow, Sotsial'no-politicheskaya Mysl', pp. 185–214.
K ot"ezdu grazhdan Latvii [On the Departure of Latvian Citizens]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 125. June 11.
K polozheniyu litovskikh grazhdan [On the Situation of Lithuanian Citizens]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 319 (469). Sept. 6 (19).
K svedeniyu latyshei [For the Information of Latvians]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 136. June 24.
K svedeniyu litovtsev [For the Information of Lithuanians]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 94. May 3.

K tatarskomu s"ezdu. (Po telefonu ot nashego simferopol'skogo korrespondenta) [On the Tatar Congress. (Our Simferopol Correspondent on the Phone)]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 96 (9787). May 6 (19).

K. (1920). Tatarskii s"ezd [Tatar Congress]. In *Tavrisheskii golos*. No. 234 (384). May 24 (June 6).

Kalinovskii, V. V., Puchenkov, A. S. (2020). Etnokonfessional'nyi faktor v deyatel'nosti Krymskogo kraevogo pravitel'stva M. A. Sul'kevicha (iyun' – noyabr' 1918 g.) [Ethno-Confessional Factor in the Activities of the M. A. Sulkevich Crimean Regional Government (June – November 1918)]. In *Voprosy istorii*. No. 11–1, pp. 18–28. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202011Statyi16.

Latyshy-krasnoarmeitsy [Latvians as Red Army Soldiers]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 191. Sept. 1 (14).

Musul'manskii s"ezd [Muslim Congress]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 214 (364). Apr. 29 (May 12).

O s"ezde litovskikh grazhdan [On the Congress of Lithuanian Citizens]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 115. May 30.

O tatarskoi avtonomii [On Tatar Autonomy]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 192. Sept. 2 (15).

O zakrytii gazety "Russkaya Pravda" [On the Closure of the *Russkaya Pravda* Newspaper]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 143 (9834). July 2 (15).

Ob'yavlenie [Announcement]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 72 (9763). Apr. 4 (17).

Ob'yavlenie [Announcement]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 172. Aug. 6 (19).

Obshchestvo fizicheskogo razvitiya [Society for Physical Development]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 134. June 21.

Ot'ezd litovtsev na rodinu [Departure of Lithuanians to Their Homeland]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 145 (9838), July 4 (17).

Ot'ezd v Palestinu [Departure to Palestine]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 132. June 19.

Otkrytoe pis'mo Simferopol'skomu Armyanskomu Obshchestvu [An Open Letter to the Simferopol Armenian Society]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 208 (358). Apr. 22 (May 5).

Opravka v Latviyu [Departure to Latvia]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 316 (466), Sept. 3 (16).

Petrosyan, G. A. (2012). *Otnosheniya Respubliki Armeniya s Rossiei (1918–1920 gg.)* [Relations of the Republic of Armenia with Russia (1918–1920)]. Erevan, Izdatel'stvo Erevanskogo gosudarstvennogo universiteta. 424 p.

Pis'ma v redaktsiyu [Letters to the Editor]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 219 (369). May 5 (18).

Pol'skoe blagotv. o-vo [Polish Charitable Society]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 145 (9838). July 4 (17).

Prepodavanie na tatarskom yazyke [Teaching in the Tatar Language]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 197. Sept. 8 (21).

Prikaz Glavnokomanduyushchego V. S. Yu. R. [Order of the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 144. July 4.

Programma gen. Vrangelya [General Wrangel's Programme]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 77. April 12.

Pshenichnyi, V.V., Valyakin, A. V., Khayali, R. I. et al. (Eds.). (2009) *Poslednyaya rukopis' Sabri Aivazova. Delo partii "Milli Firka". Dokumenty svidetel'stvuyut* [The Last Manuscript of Sabri Aivazov. The Milli Firqa Case: Documents Testifying]. Simferopol, Dolya. Vol. 1. 350 p.

Puchenkov, A. S. (2016) *Natsional'naya politika generala Denikina (vesna 1918 – vesna 1920)* [General Denikin's National Policy (Spring 1918 – Spring 1920)]. 2nd Ed., rev. and add. Moscow, NPK. 399 p.

Puchenkov, A. S., Kalinovskii, V. V. (2020). *Dukhovnyi forpost Rossii: pravoslavnoe dukhovenstvo Kryma v 1914–1920 godakh* [Spiritual Outpost of Russia: The Orthodox Clergy of Crimea in 1914–1920] / ed. by N. N. Smirnov. St Petersburg, Vladimir Dal'. 407 p.

Reforma tatarskoi shkoly [Reform of the Tatar School]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 231 (9922). Oct. 18 (31).

Registratsiya pol'skikh grazhdan. (Ofitsial'noe soobshchenie pol'skoi voennoi missii i konsul'stva) [Registration of Polish Citizens (Official Communication of the Polish Military Mission and Consulate)]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 204 (9895). Sept. 16 (29).

Registratsiya polyakov [Registration of Poles]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 324 (474). Sept. 13 (26).

Reviziya tatarskoi direktorii [Revision of the Tatar Directory]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 146 (9837). July 5 (18).

Reviziya tatarskoi direktorii [Revision of the Tatar Directory]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 145. July 5.

Sredi ukraintsev [Among Ukrainians]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 228 (9919). Oct. 15 (28).

Tatarskaya avtonomiya [Tatar Autonomy]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 194 (9885). Sept. 3 (16).

Tatarskaya avtonomiya [Tatar Autonomy]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 314 (464). Sept. 1 (14).

Tatarskie uchitel'skie kursy [Tatar Teaching Courses]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 138. June 26.

Tatarskii s"ezd [Tatar Congress]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 229 (379). May 17 (30).

Tatarskii s"ezd [Tatar Congress]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 230 (380). May 20 (June 2).

Tatarskii s"ezd [Tatar Congress]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 110. May 24.

Tatarskii s"ezd [Tatar Congress]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 90. Apr. 29.

Tatarskii yazyk v nachal'n. shkolakh [The Tatar Language at Primary Schools]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 320 (470). Sept. 8 (21).

Ukrainskii kooperativ [Ukrainian Cooperative]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 72 (9763). Apr. 4 (17).

“Vestnik evreiskoi zhizni” [“Bulletin of Jewish Life”]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 74. Apr. 9.

Vnimaniyu grazhdan Latvii [For the Attention of Latvian Citizens]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 167 (9858). July 30 (Aug. 12).

Vozgrin, V. E. (2014). *Istoriya krymskikh tatar: ocherki etnicheskoi istorii korenного naroda Kryma v 4 t.* [History of the Crimean Tatars: Essays on the Ethnic History of the Indigenous People of Crimea. 4 Vols.]. 3rd Ed., new and update. Simferopol, K"artbaba production. Vol. 3, pp. 90–102.

Zarubin, A. G., Zarubin, V. G. (2008). *Bez pobeditelei. Iz istorii Grazhdanskoi voiny v Krymu* [Without Winners. From the History of the Civil War in Crimea]. 2nd Ed., new and update. Simferopol, AntiquA. 727 p.

Zarubin, V. G. (2003). Mezhnatsional'nye otnosheniya, natsional'nye partii i organizatsii v Krymu (nachalo XX v. – 1921 g.) [Interethnic Relations, National Parties and Organisations in Crimea (Early 20th Century – 1921)]. In *Istoricheskoe nasledie Kryma*. No. 1, pp. 53–83.

The article was submitted on 19.04.2021